

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 76–88.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 1 (21). P. 76–88.

Научная статья

УДК 39(571)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-76-88>

«ТЕ, КОМУ НЕТ ПРЕПЯТСТВИЙ»: МАЯЧКИ В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ ЮГАНСКИХ ХАНТЫ

**Даниил Андреевич
Вигет**

Институт этнологии и антропологии
имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
Москва, Россия, DanielWiget@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0002-3634-9880>

Аннотация. Ландшафт юганского бассейна постоянно меняется в ответ на разработку месторождений нефти в регионе, и эти изменения отражаются на взглядах юганских ханты, на их культуре в целом и, среди прочего, на их отношениях со сверхъестественными существами. Данные обстоятельства представляют богатое поле для анализа и позволяют поставить вопрос: «Как сдвиги в ландшафте отражаются на хантыйском сакральном мире, и как, в свою очередь, эти перемены отражаются на хантыйском культурном ландшафте вообще?». В рамках этой статьи рассматривается культурный ландшафт юганских ханты на основе анализа мифологических существ, известных как «маячки», отношения с которыми оказывают влияние на повседневные взаимодействия юганских ханты с их непосредственным окружением. Обсуждение и анализ в рамках этой статьи основаны на полевых материалах, собранных во время недавних экспедиций по реке Большой Юган в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, и на сравнительном изучении этого материала с исследованиями предыдущих авторов и собранными ими материалами. Стремительная разработка месторождений нефти в регионе и ее влияние на коренное хантыйское население и их культурный ландшафт подчеркивают актуальность данного исследования. Так, изучение хантыйского мира через призму собственного понимания юганскими ханты их взаимодействия со сверхъестественными существами и того, как эти взаимодействия формируют и меняют их окружающую среду, проливает свет на механизмы перемен культурного ландшафта и последствия этих перемен.

Ключевые слова: Восточные ханты, культурный ландшафт, угроведение, лиминальность, Юган, маячки.

Терминология: В данной работе взаимозаменяемо применяются восточно-хантыйский и русский термины: *илес кантлэх от* и *маячка*.

Для цитирования: Вигет Д. А. «Те, кому нет препятствий»: маячки в культурном ландшафте юганских ханты // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 76–88. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-76-88>

Сведения об авторе: Д. А. Вигет – аспирант, стажер-исследователь отдела Севера и Сибири, Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 119334, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а.

Scientific Article
UDC 39(571)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-76-88>

“THOSE WHO HAVE NO BARRIERS”: MAYACHKAS IN THE CULTURAL LANDSCAPE OF THE YUGAN KHANTY

Daniel A. Wiget

Institute of Ethnology and Anthropology
named after N. N. Mikloukho-Maklay RAS
Moscow, Russia, DanielWiget@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0002-3634-9880>

Abstract. The landscape of the Yugan basin is constantly changing in response to the development of oil fields in the region, and these changes are reflected in the views of the Khanty, their culture in general, and, among other things, their relationship with supernatural beings. These circumstances provide a rich field for analysis and allow us to bring up the question: "How do shifts in the landscape affect the Khanty sacral world, and how, in turn, do these changes affect the Khanty cultural landscape in general?" This article examines the cultural landscape of the Yugan Khanty based on the analysis of mythological creatures known as 'mayachkas', relationships with which influence the daily interactions of the Yugan Khanty with their immediate environment. The discussion and analysis in this article are based on field materials collected during recent expeditions along the Bolshoy Yugan River in the Surgut region of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra, and on a comparative study of this material with the research of previous authors and the materials they collected. The rapid development of oil fields in the region and its impact on the indigenous Khanty population and their cultural landscape underline the relevance of this study. Thus, studying the Khanty world through the prism of the Yugan Khanty's own understanding of their interactions with supernatural beings and how these interactions shape and shift their environment sheds light on the mechanisms of cultural landscape changes and the consequences of these changes.

Keywords: Eastern Khanty, cultural landscape, Ugric studies, liminality, Yugan, mayachkas.

Terminology: In this work, the Khanty and Russian terms are used interchangeably: '*iles kantlakh ot'*' and '*mayachka*'.

For citation: Wiget, DA 2025, "“Those Who Have no Barriers”: Mayachkas in the Cultural Landscape of the Yugan Khanty", *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (21), pp. 76–88, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-76-88> (in Russ.)

Information about the Author: Daniel A. Wiget – Postgraduate Student, Intern Researcher at the Department of North and Siberia, Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Mikloukho-Maklay RAS, 32a, Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russia.

Введение

Мир юганских ханты всегда был наполнен сверхъестественными существами. Ханты делят с ними как свое жилое пространство, так и природу за его пределами. Боги и духи у ханты населяют ландшафтные элементы: они живут в деревьях, в воде, в камнях, на мысах, островах и высоких местах. Даже для тех ханты, кто на поверхности отрицает «божественность» этих сущностей, рационализирует их или списывает веру в них на невежество своих предков, они нередко присутствуют как часть культурного ландшафта – оставляют свой след в топонимике, священных местах, табуированных пространствах, с которыми в той или иной степени считается большинство юганских ханты. Этим существам ханты называют *лунки*. Выбираясь за пределы своих юрт, чтобы охотиться, заниматься собирательством, рыбачить и путешествовать, ханты должны взаимодействовать с *лунками*. Ханты приходится задабривать их, договариваться с ними, делить с ними своё пространство. Но помимо *лунков* хантыйский мир населяет еще несколько категорий существ, с которыми ханты вынуждены взаимодействовать. Эти существа считаются более опасными, менее расположенными к социальному контакту, к положительному взаимодействию с человеком. Так, А. С. Песикова передает речь своих респондентов – знатоков и исполнителей восточно-хантыйского песенного фольклора супруг Рынковых (рр. Пим-Тромъеган):

Значит так. Во времена божественные рядом с богами жили и плохие существа, не только одни божества. Об этом и в сказках говорится, и в песнях поётся. Например, ма́нkit, пурнэ, шопэр-вопэр, элэ́қ қәндә́х. ... Поллица-полурта существа, то есть шопэр-вопэр, с могуществом в сакральном мире могут сделать много плохого человеку, группе людей, человечеству в целом. Боги намного сильнее шопэр-вопэр, могут их (шопэр-вопэр) сакральное могущество уничтожить, а также физически истребить. Боги готовили пространство на земле для житья людей, заодно заботились о безопасности сакрального мира. Вот о чём рассказывают священные песни, священные сказания [ПМ А. С. Песиковой, Тромъеган, 2024].

Типологически мы можем отнести всех их к одной категории опасных существ, хотя мифологический материал содержит данные о различиях в их происхождении. Однако в рамках этой статьи мы остановимся на последнем существе из упомянутого выше пространного списка – на *йәлә́қ қәндә́х*, или *илес кантлә́х от*. Чаще всего в поле это название мне переводили как «те, кому нет препятствий». Обычно, чтобы не привлекать их внимание, ханты используют русское слово «маячки».

В данной статье будут рассмотрены взгляды юганских ханты на данный вид сверхъестественных существ, будет оценено влияние «маячек» на культурный ландшафт хантыйского населения на р. Большой Юган. Под культурным ландшафтом в данной статье подразумевается совокупность отражающихся на культуре взаимоотношений человека с окружающим миром, как физическим, так и метафизическим, через культурные убеждения и практики.

Юганские ханты в XXI в.

В рамках этой статьи рассматриваются некоторые формирующие элементы культурного ландшафта юганских ханты, одной из этнокультурных групп восточных ханты, проживающих в ХМАО-Югре за южным берегом Средней Оби в бассейне рек Большой и Малый Юган и на среднем и верхнем течениях Большого Салыма и Демьянки. Хантыйский мир крайне разнообразен, и восточные ханты тому пример. Быт, культура, диалект юганского кластера – ханты Большого Югана и Малого Югана – отличаются от ханты, живущих на северном берегу Оби. Эта этнокультурная группа ханты сохранила отдельную «юганскую» идентичность, участвуя в том, что часто называют «традиционной культурой» или «традиционным образом жизни», что означает поддержание и сохранение культурного ландшафта. Многие из них ведут «традиционный образ жизни», промышляют охотой, рыбной ловлей и собира-

тельством. Однако в последние 20 лет в жизнедеятельности коренного населения произошли крупные изменения.

С 1990-х годов нефтегазовое освоение в бассейне Большого Югана увеличилось в несколько раз. Там работают нефтедобывающие компании КонБайкал, Славнефть, Роснефть-Юганнефтегаз. По обе стороны Большого Югана выросло множество новых буровых установок и сопутствующей им инфраструктуры. Между Большим Юганом и г. Нефтеюганском теперь лежит широкая сеть дорог, как грунтовых, так и капитальных (асфальтированных и бетонных), а через сам Большой Юган переброшены два моста. Вдоль дорог раскинуты перевалочные пункты, пищевые точки, заправки и буровые вышки. Вокруг некоторых дожимных насосных станций (далее ДНС) выросли рабочие поселки со своей инфраструктурой, такие, как Пионерский. Если раньше ханты в основном взаимодействовали с нефтегазовыми компаниями по вопросам землеотвода, то теперь многие юганские ханты напрямую работают на добывающих предприятиях на разных ставках – большинство предпочитает вахтовую работу. На стойбищах в хозяйствах местных жителей появляются новые элементы, рассказывающие о более тесных контактах с нефтяниками.

Это стремительное развитие оказало глубокое влияние на окружающую среду юганских ханты. Разливы нефти и строительство, связанное с добычей нефти и газа, привели к загрязнению многих участков реки Большой Юган, часто лишая коренное население их основного круглогодичного источника пищи – рыбы, в то время как новые дороги и нефтяные скважины перенаправили движение диких оленей и лосей, лишив многие местные охотничьи угодья главного пищевого ресурса. Это, как отмечалось ранее, в сочетании с растущей доступностью автомобильных дорог, привело к тому, что все больше и больше ханты находят работу в местных нефтегазовых компаниях. Благодаря тому, что все больше местных жителей приобретают автомобили и, как следствие, получают возможность добраться до близлежащих городов, типичная карта движения юганского ханта изменилась. Если еще тридцать лет тому назад коренные жители, путешествуя по реке или по лесу, останавливались по обычаю в каждой встречной юрте и на каждом священном месте, теперь все чаще люди делают меньше остановок между различными стойбищами и в священных местах, большинство из которых расположены вдоль реки Большой Юган, вдали от любых дорог. То же самое можно сказать и об охотничьих тропах и ловушках, которые в настоящее время часто служат для разграничения семейной территории, а не являются сами по себе местами регулярного использования. Если раньше путешествия вверх и вниз по реке и поездки на охоту требовали таких остановок и взаимодействия с людьми, священными местами и сверхъестественными существами, что способствовало сохранению культурного ландшафта коренного населения с ориентирами и местами силы, то теперь традиционная среда обитания юганского ханта размывается, а культурный ландшафт меняется и адаптируется к новым реалиям.

Хантыйский культурный ландшафт

Верования ханты и их взаимоотношения с окружающим миром были хорошо задокументированы как в XX, так и в XXI в. В ранних, но по-прежнему актуальных фундаментальных работах, таких, как «Религия угорских народов» К. Ф. Карьялайнена [2], и в ряде масштабных работ российских этнографов, таких, как В. М. Кулемзин [3] и Н. В. Лукина [4], и в трудах современных иностранных исследователей, к примеру, П. Джордана [17; 18] и А. Лиите [19], были предприняты усилия определить, классифицировать и сконструировать метафизический мир ханты. Некоторые авторы старались представить картину мира обских угров в виде структурированной многоуровневой системы миров. Так, Ева Шмидт делила мироустройство хантыйской вселенной на три мира – Верхний, Средний, или Промежуточный, и Нижний, внутри которых все явления имели свое конкретное место [20]. Многие авторы, в

том числе вышеупомянутые К. Ф. Карьялайнен, В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина, в своих работах выводили описательные системы концептуальных и региональных групп существ и местоположений без всеобъемлющей систематизации.

Стоит отметить, что по большей части исследования по ханты можно разбить на две категории – общие исследования (К. Ф. Карьялайнен, В. М. Кулемзин и пр.) и крупный пласт работ, опирающийся на материал по северным ханты. Из уже упомянутых авторов к таковым относится Ева Шмидт. Помимо этого, по сакральному пространству, обрядовости и мифологии северных ханты была проделана экстенсивная работа Т. А. Молдановым, Т. А. Молдановой, А. А. Гриневичем и др., но пространно-го современного анализа данной проблематики среди восточных ханты мало, что в очередной раз подчеркивает актуальность данной статьи.

Хантыйский ландшафт во многом отражает их космологию. Часто косвенно, довольно часто эксплицитно, как на макроуровне или региональном уровне, так и на местном уровне вплоть до домохозяйства. Как в случае с «полярными проявлениями» потусторонних миров, Верхнего и Нижнего, в обско-угорской картине мира, часто привязанными к местоположениям в физическом мире – таким, как стороны света, – метафизическое тоже становится частью среды обитания. Метафизическое опирается на культурный ландшафт и проявляет себя в нем, формируясь в результате взаимодействия людей с их физическим окружением. Божественные родословные пронизывают Средний мир и определяют отношение ханты к нему. Верховный бог Нуми Торум недоступен обычному человеку, но его семь сыновей и семь дочерей ответственны за разные аспекты жизни – рыболовство, охоту или владеют / представляют собой крупные реки, а уже их дети становятся / владеют притоками. От них ханты ведут свои родословные, и на эту сакральную систему наследия разные хантыйские роды ссылались, чтобы утвердить свое право землепользования на той или иной реке – притоке Оби [21, с. 105–112].

У живущих на стойбище ханты были свои домашние боги, также привязанные к вышеописанной родословной, а хантыйский ландшафт вокруг стойбищ был и есть для носителя хантыского «традиционного сознания» наполненным самостоятельными духами, *лунками*, выступающими в роли хранителей явлений или репрезентаций различных объектов и стихий – покровителей или жильцов конкретных точек в ландшафте, с которыми ханты должны вести диалог и взаимодействовать ради безопасного сосуществования. Чтобы рыба хорошо ловилась, нужно быть в хороших отношениях с местным водяным *лунком*, чтобы не встретить проблемы на охоте, не следует обижать лесных *лунков* на охотничьих угодьях.

Конечно, хоть ханты и участвуют в «традиционной культуре», она (культура) вовсе не статична, и резкие перемены, вызванные разработкой нефти в регионе, повлияли на жизнь ханты всеми возможными способами, независимо от того, придерживаются ханты «традиционного образа жизни» или нет. Тем не менее, как и все, что меняется в ответ на быстрое промышленное развитие, меняется и культурный ландшафт людей, проживающих на затронутой территории. Так, Т. Ингольд, обрисовывая свое понимание «онтологии обитания» утверждал, что люди «как другие существа, погружены в активное, практическое и постоянное взаимодействие с другими жителями обитаемого мира» [16, с. 42]. Сюда входят как естественные, так и сверхъестественные объекты и существа, взаимодействие между которыми во многом формирует вышеупомянутую онтологию и отражается на культурном ландшафте людей.

Вопрос изучения *маячек*, или *илес кантлэх от*, в хантыведческой литературе рассмотрен мало, однако некоторые авторы не только упоминали о них, но и затрагивали их в контексте своих работ. Исследователь А. С. Песикова разбивает сонм сверхъестественных существ у ханты на духов и божеств, где помещает *маячек* в ка-

тегорию «чертей» [6, с. 35]. А. А. Рудь в своих статьях, посвященных божествам и духам в мировоззрении ханты Сургутского Приобья, выделяет у сургутских ханты две категории сверхъестественных существ – божеств и духов, где в ряду последних находятся *маячки*. Автор опирается на свой объемный полевой материал со всего Сургутского Приобья и характеризует *маячек* как «злых духов» и «персонажей Нижнего Мира» [13, с. 212–123]. Они вредят людям и часто населяют «плохие места» и могут насылаться на людей в наказание от божеств или посредством порчи [15, с. 346]. В своей работе А. П. Зенько упоминает «*ичек-контак-от* или *илкондэвот*» и передает, что отсутствовали четкие представления о том, как они выглядят. А. П. Зенько представлял их восточнохантыйским вариантом *неперсонифицированных* злых духов, которых северные ханты и манси называют *куль* [1, с. 48–49].

Те, кому нет препятствия

Как отмечалось ранее, космология ханты включает в себя множество сверхъестественных действующих лиц – как богов и духов, имеющих имена и привязанных к концептуальным областям и элементам физического ландшафта, так и группы безымянных существ, отнесенных к различным типам местных духов. Большинство из них так или иначе были раскрыты в исследованиях, таких, как вышеупомянутые работы К. Ф. Карьялайнена и В. М. Кулемзина, в которых предпринимались попытки объяснить и систематизировать этих различных сверхъестественных существ хантыйского культурного пространства.

В данной статье это *илес кантлэх от*, чаще упоминаемые заимствованным русским словом и эвфемизмом *маячки*. Они редко затрагиваются в научной литературе, несмотря на то, что, по-видимому, определяют многие повседневные взаимодействия ханты со своим окружением: как внутри, так и за пределами жилища, во время поездок на охоту, ухода за детьми, рождения, смерти и похорон и т. д. Следует отметить, что под эвфемизмом «*маячка*» респонденты часто могут ссылаться на всё разнообразие злых и опасных духов, чтобы не называть их по имени. В этой работе термин «*маячка*» мы применяем конкретно к *илес кантлэх от*. Как упоминалось ранее, само название *илес кантлэх от* переводилось респондентами как «те, кому нет препятствий», и по имеющемуся полевому материалу можно утверждать, что название намекает на природу данных существ.

Эти *илес кантлэх от* являются ярким примером взаимодействия физического и метафизического. К. Ф. Карьялайнен упоминает о них вскользь, описывая их в одном случае как «кобольдов» [2, с. 221–222], а в другом – как «непостижимое, неосознаваемое существо сургутских остяков», которое, «будучи лесным духом, призраком, пугает людей своими криками и стуком» [2, с. 278]. В. М. Кулемзин, с другой стороны, последовательно описывает их как хтонических существ, гневных духов умерших, которые «лишены телесности» и могут подниматься на поверхность, чтобы утащить души живых или недавно умерших в Нижний мир [3, с. 130]. Присутствие в доме медвежьей головы и «упоминания» домашних духов могут отпугнуть их, и они могут быть отважены выстрелами, сделанными пулями, в которых просверлены отверстия. Обычные пули могут не сработать, потому что *маячки* могут сдуть их обратно [3, с. 143]. Сообщения о медвежьей голове здесь совпадают с материалами П. Джордана, утверждавшего, что медвежьи черепа пользуются особым вниманием, поскольку считается, что они могут каким-то образом защитить дом от злых духов [18, с. 31].

В работе Н. В. Лукиной «От Васюганья до Заполярья» описание включает детали, проливающие некоторый свет на природу *маячек*. В книге, которая представляет полевые записи 1960–1970-х гг. одного из крупнейших этнографов Западной Сибири и включает в себя целое собрание задокументированных интервью, *илес кантлэх от* и *маячки* упоминаются несколько раз. Респонденты описывают их как

«злых духов», которые служат Кын-ики, Подземному богу. Они приходят к человеку перед смертью, как и Кын-ики, «если человек увидит их, он скоро умрет», только шаманы могут безопасно взаимодействовать с *маячками*, «другие люди умерли бы немедленно», а *маячки* сейчас встречаются редко, потому что «шаманов стало меньше» [4, с. 108]. Респонденты заявили, что духи умерших – это зло, что они становятся *маячками* и пытаются украсть души людей, *илес*. Они также описывали различные способы защиты от *маячек* и различные ситуации, в которых такая защита может оказаться полезной. Один из них – *лунк*, вырезанный из кедра, который защитил бы охотника от *маячек* в дикой местности [4, с. 110]. Другие – это железо, огонь и материалы, связанные с огнем, такие, как спички, уголь и сажа, которые защищают детей в кроватке от *маячек*. Можно попросить огонь в очаге присмотреть за ребенком, при этом можно потереть нос ребенка сажеей, а в кроватке можно оставить железо [4, с. 134]. Огонь часто выполняет ограждающую функцию наравне с железом или даже лучше, чем железо. Это отмечают не только респонденты у Н. В. Лукиной, но и подтверждается материалами А. А. Рудя. Зброшенные стойбища, где, по мнению респондентов, селились *маячки*, очищались только в случае пожара, сжигавшего все постройки [14, с. 134].

Интересно сопоставить приведенные данные с материалами р. Вах (Нижевартовский р-н ХМАО-Югры). На Вахе также живут восточные ханты, которые рассказывают о существах, которых называют *потчаки*. Это маленькие бессмертные призраки. «Потчаки могут появляться из забытых в лесу детьми кукол, и они похожи на пухлоруких малышей – только жутких и внушающих безответный ужас. Преследуя людей, они настойчиво просят перевезти их на другой берег. На стремнине они с хохотом набрасываются на людей и сталкивают их в воду» [5, с. 133].

Данные позволяют подтвердить, что интересующий нас феномен связан с Нижним миром и представлениями о смерти. Сравнительные материалы с р. Вах подкрепляют эту идею, поскольку куклы (на Югане – *паки*) с древних времен считалисьместилищем душ умерших, и на Югане до сих пор *паки* изготавливают без лица, чтобы не навлечь гнев духов умерших [ПМ Э. Уигета и О. Балалаевой, Большой Юган и Малый Юган, лето 1995].

Полевые материалы

Информация, полученная из предыдущих источников, отчасти соответствует материалам, собранным во время моей экспедиции на р. Юган, и подкрепляет ранее собранные исследователями в этом поле материалы, представлявшие частичную картину рассматриваемого вопроса. Экспедиция была проведена в сентябре 2023 г., в ходе которой в течение полутора недель путешествия вниз по реке от стойбища к стойбищу было опрошено восемь респондентов. Целью экспедиции был сбор предварительной информации о социально-экономических сдвигах и изменениях в культурном ландшафте юганских ханты в связи с быстрым ростом добычи нефти в регионе. В ходе работы использовались полевые методы исследования: анкетирование, глубинные интервью и включенное наблюдение. Фиксация изменений в культурном ландшафте восточных ханты Большого Югана была достигнута посредством компаративного анализа архивных данных экспедиций конца 90-х годов прошлого века Э. Уигета и О. Э. Балалаевой и данных, собранных во время нынешней полевой работы.

Не все респонденты были готовы обсуждать *маячек*, и сама тема часто считается запретной, потому что упоминание и особенно употребление хантыйских названий *маячек* может привлечь к респондентам нежелательное внимание. Однако табуированность обсуждения *маячек* существует далеко не везде. Большинство информантов с увлечением делятся своими историями. Мало кто называет *маячек илес кантлэх от*, боясь навлечь на себя зло и беду. Обращает на себя внимание тот факт,

что на отношение к маячкам влияет разница в возрасте опрашиваемых. Сказывается разница в поколениях. Старики меньше готовы общаться о маячках в принципе, а ханты среднего поколения говорить готовы, но к «настоящему имени» относятся аккуратно, стараются лишний раз не называть. И все же, что выделяет феномен маячек среди других опытов сверхъестественного, описанных в интервью, так это то, что каждый информант знал быличку-другую, связанную с маячками. Большинство из информантов могли либо поделиться историей о маячках, слышанной от других людей, либо личным опытом, связанным с маячками. Былички рассказывали даже в тех случаях, когда информант опасался привлечь внимание маячек, «позвать» их. Очень заметное присутствие в устной традиции, повседневной жизни ханты определяет их влияние на хантыйский культурный ландшафт, делает маячки важным объектом изучения и маркером культурных изменений.

Ниже приведены шесть отчетов, сведенных и интерпретированных автором из записей интервью юганских ханты во время экспедиции в сентябре 2023 г., предоставляющих подробную информацию о маячках в контексте более широких тем, имеющих отношение к культурным ценностям. Респонденты анонимизированы по их желанию.

ЛС. *Маячки* – призраки, не привязаны к домам. Подчиняются и считаются слугами *Пыхт-ики*, подземного бога, чей цвет – черный. Они могут быть как свободно перемещающимися, так и привязанными к конкретным элементам ландшафта. Часто селятся в заброшенных домах. Маячки принимают много форм – от привидений до звуков ветра, одна из друзей ЛС видела маячку в форме черного пса. У них нет тени. *Маячки* часто зовутся «*йипых*», что на хантыйском означает страх, пугало. Ханты предпочитают называть их подобными эвфемизмами или *маячка*, чтобы злой дух не обратил внимания на того, кто их помянул [ПМА, Большой Юган, сентябрь-октябрь 2023].

ИП. *Маячки* – это призраки, появляющиеся в результате психологических травм или являющиеся отражением подобных травм. Кто-то их видит, кто-то не видит. Они есть что-то земное, но не *лунк*. Появляются в заброшенных домах. Они ассоциируются с идеей «*йипых*». Когда медведь приходит в стойбище и вредит, то это не медведь, а *маячка* в шкуре медведя [ПМА, Большой Юган, сентябрь-октябрь 2023].

ВУ. *Маячки* могут как навредить, так и помочь. Однажды, когда опрашиваемый выпивал со своими друзьями, один из них заблудился в лесу. Группа *маячек* разбудила его и погнала обратно по тропинке домой. Они также могут появляться в результате чьей-либо смерти. Шаманы могут ими управлять. Когда две ветви семьи ссорились, шаманы одной из ветвей вызывали *маячку* в виде собаки разных цветов – черного, белого и желтого – чтобы она служила им в течение трех «столетий», то есть трех поколений, причем собеседник принадлежал к последнему поколению [ПМА, Большой Юган, сентябрь-октябрь 2023].

ЕМ. *Маячки* – это пугала, привидения. Они бывают разной формы. Увидеть *маячку* – это не к добру, так же, как и не к добру услышать ночью крик ворона. Возможно, нехорошие птицы – те же *маячки* в птичьем облике. Шаманы их призывали, насылали порчу и гадали. Однако они не всегда вредят. Так, человек зимой в урмани заснуть на холоде может, а *маячка* его разбудит и так спасет от смерти на морозе [ПМА, Большой Юган, сентябрь-октябрь 2023].

АК. *Маячки* – это пугала, испуг. Они принимают разную форму. *Маячка* селится в заброшенных домах и тех зданиях, что давно не используются. К месту привязываются. Могут подчиняться и исполнять волю богов – так у *Яун-ики* есть черный пес, которого он отправляет на дела разные [ПМА, Большой Юган, сентябрь-октябрь 2023].

ЯК. *Маячки* – это нечисть. Они способны принимать различный облик. Их держит везде Торум и спускает на людей, когда их наказать или отвести надо. (Здесь респондент приводит сказку о старом охотнике, достойную отдельной статьи, где на пути охотника маячки в форме кукушек и других «плохих» птиц пытаются по воле Торума остановить охотника от его ошибочного пути). У *маячек* нет тени. Чаще они попадают ночью. Возможно, иногда это души умерших [ПМА, Большой Юган, сентябрь-октябрь 2023].

Эти рассказы хорошо согласуются с материалами, собранными в ходе предыдущих экспедиций среди восточных ханты, в одной из которых были задокументированы сходные концепции и восприятие взаимодействия хантыйского населения с «маячками», что перекликается с нарративом о «заброшенном доме, населенном духами». Использованные ниже примеры взяты из интервью, записанных во время экспедиций в 1994 году на Тромъеган и в 2010 гг. – на Большой Юган Э. Уигетом и О. Е. Балалаевой, первые два из которых были пересказаны в их книге «Ханты: народ тайги».

ИС. В 1994 году нам сообщили о случае присутствия духов на реке Тромеган. Молодая пара жила со своими престарелыми родителями в новом доме. Затем родители переехали жить к другому сыну, а через некоторое время они оба умерли и были похоронены там. Затем молодые люди по какой-то причине покинули свой новый дом, и место оказалось пустым. Затем друг молодой пары, не зная, что там никого нет, прилетел туда на вертолете. Когда он подошел к той стороне дома, где раньше жили родители, то увидел, как пожилая женщина в хантыйском женском платье встала, молча прошла мимо него и исчезла за грудой поленьев возле печи. Друг сказал молодой паре, чтобы, когда они вернутся, они могли принести в дом голову медведя и богов, чтобы очистить его, и все это произошло из-за того, что родители были похоронены не в том месте. Хотя этиология присутствия духов и способы изгнания нечистой силы в этом случае отличались от предыдущих, в памятке ясно указывается на связь духов умерших с холодным очагом и запасом дров.

Когда ИС и его семья уехали из дома, чтобы порыбачить на Обь, и вернулись через месяц, его отец открыл входную дверь, затем обошел дом сзади и несколько раз ударил топором по внешней стороне задней стены, приговаривая: «Хозяева вернулись». Это было сделано для того, чтобы изгнать духов-оккупантов за дверь, из дома [21, с. 97–98].

ВК (р. Малый Юган). Когда респондент был ребенком, отец взял его с собой на охоту. Заночевали на высоком берегу на открытом месте. Ночью ВК проснулся и увидел, что рядом горит костер без дыма, а вокруг молча сидят три мужика. Мальчик испугался, закрыл глаза, прикинулся спящим, а затем и вправду заснул. Утром рассказал отцу о происшедшем. Отец открыл ему, что заночевали они по необходимости на «нехорошем» месте, и мальчик видел *илес кантлэх*, которые тут появляются [ПМ Э. Уигета и О. Э. Балалаевой, Большой Юган и Малый Юган, лето 1995].

Для сравнения приведем момент из еще одного интервью, записанного О. Балалаевой и Э. Уигетом в 1998 г. на реке Ай-Пим.

СК. Респондент рассказывал, что заночевал в лесу, проснулся ночью, и увидел, что над ним стоит существо в чем-то белом. Оно постояло над ним и ушло, не причинив вреда. Информант рассказывал, что это была не первая его встреча с маячками [ПМ Э. Уигета и О. Э. Балалаевой, Ай-Пим, лето 1998].

Маячки и Нижний мир

Как было отмечено ранее, в третьем томе работы Н. В. Лукиной «от Ханты Васьюгана до Заполярья» респонденты сообщают, что традиционно от *маячек* применялись обереги – железные предметы, которыми огораживали детей, и образы-лунки, которые на охоте должны были защитить охотника от *маячек*. Пламя также должно было защитить от *маячек*. Это мог быть как в огонь в домашнем очаге, которому нашептывали заговор, так и ассоциативные обереги. Так, ребенку могли мазать лицо сажей или положить в люльку уголь или спичку. Всё это подчеркивает связь *илес кантлэх от* с Нижним миром в мировоззрении ханты и с Пыхт-ики, Нижним богом. Среди восточных ханты широко распространено мнение, что Пыхт-ики заключен в Нижнем мире в саркофаге, сделанном из железа, – это напрямую наводит на мысль о том, что маячки, являющиеся слугами Подземного Бога, также могут быть отважены железом. В одной истории, рассказанной тромъеганским хантом, говорилось, что разработка нефтяных месторождений в регионе постепенно разрушает тюрьму Подземного бога, что нефтяные буры пробивают отверстия в железном саркофаге, в котором находится Пыхт-ики. Когда бурение нефтяных скважин достигнет своего апогея, Подземный Бог освободится и посеет хаос среди тех, кто нанес ущерб

земле [17]. Эта история идет рука об руку с современными интервью на Большом Югане, в которых описываются сверхъестественные явления, связанные с разработкой месторождений нефти, такие, как несчастные случаи и смерти, часто связанные с «плохими» местами или местами с привидениями. Тогда можно считать, что опрошенные в этих историях подразумевали *маячки* как причину, не упоминая их напрямую.

Как из материалов моих экспедиций, так и из предыдущих работ, можно сделать вывод, что маячки считаются существами Нижнего мира, которые поднимаются из него, чтобы угрожать людям в том или ином качестве, занимать места, представляющие опасность для людей, или вызываются для различных целей, обычно связанных с причинением вреда или с преподнесением уроков людям, которые перешли границы социальных норм. Охотникам нужно защищаться от них в дикой природе, тем более новорожденным детям, у которых «нет зубов» и которые еще не могут видеть других, но уже обладают душой. Те, кто не знает или не может понять культурных границ хантыйского мира, также могут стать мишенью маячек, как нефтяники, которые могут неосознанно пересекать невидимые границы или заходить в «плохие места» и подвергать себя опасности. Например, один информатор утверждал, что нефтяники пытались скрыть холм, который мешал строительству дорог. Местные жители считали этот холм «плохим местом». Нефтяники трижды пытались его выкопать, что привело сначала к незначительным авариям, а затем к разрушению оборудования и тяжелым травмам рабочих [ПМА, Большой Юган, сентябрь-октябрь 2023].

Это также подчеркивает перемены в физическом ландшафте. Маячки играют роль в формировании культурного ландшафта хантыйского населения, при этом данный процесс прямо сейчас претерпевает серьезные изменения. Так, на Тромъегане сообщалось, что при смерти человека в хантыйском доме семья должна проломить крышу и как можно скорее из дома переехать, чтобы не навлечь на себя беду. Дом, где умер человек, становится «плохим местом» и забрасывается [ПМ Э. Уигета и О. Э. Балалаевой, Тромъеган, лето 1994]. Маячки же по поверьям часто селятся в заброшенных домах. Юганские ханты же считают, что в старых домах на стойбище, где никто не живет, нужно почаще разжигать очаг и для чего-либо их использовать, как раз-таки, чтобы там не поселились маячки. Так, Э. Уигет и О. Балалаева передают в своей книге слова П. В. Курломкина, хранителя традиционного знания и ведущего фольклорного исполнителя на Большом Югане, о случае, когда человек умер дома один.

Люди нашли его, подобрали и похоронили. Никто не должен жить в таких домах. Такие дома даже сжигают, если человек был там один [в момент смерти]. Если они были вдвоем, и она умирает, а он ничего не может сделать, и он оставляет ее без огня или чего-либо еще, и он может отсутствовать долгое время, в таком доме тоже никто не живет. Они сносят бревенчатые стены или сжигают его. Говорят, что мертвое тело находилось там без огня. Без огня, без людей, мертвое тело оставалось там. Тогда там собирались духи и жили там. Это плохие дома. В таких домах никто не живет [например, когда муж и жена живут вместе, и один умирает, пока другой в отъезде]. Нехорошо оставлять мертвое тело в одиночестве [в доме], но если вы вынесете его [из дома], ничего плохого не случится. Если мертвое тело пролежало там день или два, в таких домах никто не живет. Даже родственники никогда не живут в таких домах. Говорят, в такие дома заходят злые духи. Заброшенный дом они оставляют таким, какой он есть, но в ранее упомянутом случае [когда в нем поселились духи] его нужно разобрать по бревнышку или сжечь. Если кто-то придет, он может испугаться или что-то случится с его головой. Он станет глупым, сумасшедшим. Если кто-то останется там на ночь или захочет там пожить, он может лишиться жизни [21, с. 97].

Скорее всего, эти два поверья связаны, так как в обоих случаях смерть привлекает маячку, и эта проблема требует решения – переселением или очищением места.

Это убеждение подтверждается как вышеупомянутыми исследованиями, так и материалами, собранными мной. Однако и концепция заброшенности домов быстро исчезает, поскольку разработка месторождений нефти и новые источники дохода побуждали многие семьи ханты построить постоянное «современное» жилье на стойбище. Это также приводит к тому, что различные сверхъестественные существа, важные для повседневной жизни ханты, вытесняются в новые пространства и окружающую среду, что ведет к изменению культурного ландшафта и взаимодействию с ним ханты и их восприятию.

Таким образом, маячки заполняют и формируют элементы культурного ландшафта, соединяя видимый Средний мир, земной, и Подземный миры, давая название, если не лицо, беспокойствам людей, живущих в пределах хантыйского культурного ландшафта. Можно сказать, что маячки представляют собой транзитный, или лиминальный, элемент ландшафта, и отражают так переходные пространства – опасность урмана, места между жизнью и смертью, человеком заброшенные дома и стойбища. Ввиду расширяющейся разработки нефтяных месторождений и заполнения Юганской тайги нефтяной инфраструктурой привычные хантыйскому миру пространства – домашние, сакральные, охотничьи – заменяются пространствами переходными. И для юганских ханты эти пространства вслед заполняются маячками. Традиционная среда юганских ханты меняется, культурный ландшафт трансформируется, приспособляясь к новым реалиям.

Список источников и литературы

1. *Зенько А. П.* Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров: структура и вариативность. Новосибирск: Наука, 1997. 160 с.
2. *Карьялайнен К. Ф.* Религия югорских народов в 3 т. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. Т. 2. 282 с.
3. *Кулемзин В. М.* Человек и природа в верованиях Хантов. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 190 с.
4. *Лукина Н. В.* Ханты от Васюганья до Заполярья. Источники по этнографии. Т. 3: Юган. Томск: ТГПУ, 2009–2010. 295 с.
5. *Маранин И., Тихонов. А.* Тайны Оби и легенды Иртыша. Мифы, легенды и байки с берегов больших и малых рек Западной Сибири. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2024. 273 с.
6. *Песикова А. С.* Взгляд изнутри культуры. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. 98 с.
7. ПМ А. С. Песиковой. Тромъеган, 2024.
8. ПМ Д. А. Вигета. Большой Юган, сентябрь-октябрь 2023.
9. ПМ Д. А. Вигета. Большой Юган, сентябрь-октябрь 2024.
10. ПМ Э. Уигета и О. Э. Балалаевой. Ай-Пим, лето 1998.
11. ПМ Э. Уигета и О. Э. Балалаевой. Большой Юган и Малый Юган, лето 1995.
12. ПМ Э. Уигета и О. Э. Балалаевой. Тромъеган, лето 1994.
13. *Рудь А. А.* Божества и духи в представлениях хантов Сургутского Приобья (по материалам 2002–2017 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 4 (63). С. 210–219.
14. *Рудь А. А.* Пожары в культуре восточных хантов: современные аспекты // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 128–136.
15. *Рудь А. А.* Сведения об антропоморфных изображениях на деревьях в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого : сб. статей. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2011. Вып. 9. С. 339–354.
16. *Ingold T.* The perception of the environment: essays on livelihood, dwelling & skill. New York: Routledge, 2000. 480 p.
17. *Jordan P.* Cultural Landscapes in Colonial Siberia: Khanty Settlements of the Sacred, the Living and the Dead // Landscapes. 2001. № 2 (2). P. 83–105.

18. Jordan P. Ideology, Material Culture and Khanty Ritual Landscapes in Western Siberia // *Ethnoarchaeology and Hunter-gatherers: Pictures at an Exhibition* / ed. K. J. Fewster, M. Zvelebil. Oxford: British Archaeological Reports, 2001. P. 25–42. (BAR International Series 955).
19. Leete A. Landscape and Gods Among the Khanty // *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2017. № 11. P. 19–38.
20. Schmidt É. Bear cult and mythology of the northern Ob-Ugrians // *Uralic Mythology and Folklore* / ed. M. Hoppál, J. Pentikäinen. Budapest: Ethnographic Institute of the Hungarian Academy of Sciences ; Helsinki: Finnish Literature Society, 1989. P. 35–112.
21. Wiget A., Balalaeva O. Khanty, People of the Taiga: Surviving the 20th Century. University Press of Colorado, 2011. 415 p.

References

1. Zen'ko, AP 1997, *Predstavleniya o sverkhestestvennom v traditsionnom mirovozzrenii ob-skikh ugrov: struktura i variativnost'* (Representations of the supernatural in the traditional worldview of the Ob Ugrians: structure and variability), Nauka publ, Novosibirsk. (In Russ.)
2. Karyalaynen, KF 1994, *Religiya yugorskikh narodov T. I-II. Perevod s nemetskogo i publikatsiya d-ra ist. nauk N.V. Lukinoy* (Religion of the Ugric Peoples), Vol. I-II, transl. NV Lukina, Izdatelstvo Tomskogo universiteta publ., Tomsk. (In Russ.)
3. Kulemzin, VM 1984, *Chelovek i priroda v verovaniyakh Khantov* [Man and nature in the beliefs of the Khanty], Izdatelstvo Tomskogo universiteta publ. Tomsk. (In Russ.)
4. Lukina, NV 2009–2010, *Khanty ot Vasyugan'ya do Zapolyar'ya. Istochniki po etnografii* (Khanty from Vasyugan to the Arctic. Sources on ethnography), Vol. 3, Yugan (Yugan), TGPU publ, Tomsk. (In Russ.)
5. Maranin, I & Tihonov, A 2024, *Tayny Obi i legendy Irtysha. Mify, legendy i bayki s beregov bolshikh i malykh rek Zapadnoy Sibiri* (The Secrets of the Ob and the Legends of the Irtysh. Myths, legends and tales from the shores of large and small rivers of Western Siberia), Svinin i synovia publ, Novosibirsk. (In Russ.)
6. Pesikova, AS 2006, *Vzglyad iznutri kultury* (A look from inside the culture), Poligrafist publ, Khanty-Mansiysk. (In Russ.)
7. *Field materials by A. S. Pesikova*, Tromyegan, 2024. (In Russ.)
8. *Field materials by D. A. Wiget*, Bolshoy Yugan, September-October 2023. (In Russ.)
9. *Field materials by D. A. Wiget*, Bolshoy Yugan, September-October 2024. (In Russ.)
10. *Field materials by A. Wiget and O. E. Balalaeva*, Ay-Pim, summer 1998. (In Russ.)
11. *Field materials by A. Wiget and O. E. Balalaeva*, Bolshoy Yugan and Maly Yugan, summer 1995. (In Russ.)
12. *Field materials by A. Wiget and O. E. Balalaeva*, Tromyegan, summer 1994. (In Russ.)
13. Rud, AA 2023, 'Bozhestva i dukhi v predstavleniyakh khantov Surgut'skogo Priobya (po materialam 2002–2017 gg.)' (Deities and spirits in the representations of the Khanty of the Surgut region (based on materials from 2002–2017)), *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, no. 4 (63), pp. 210–219. (In Russ.)
14. Rud, AA 2018, 'Pozhary v kulture vostochnykh khantov: sovremennyye aspekty' (Fires in the culture of the Eastern Khanty: modern aspects) *VAAE*, no. 2 (41), pp. 128–136. (In Russ.)
15. Rud, AA 2011, 'Svedeniya ob antropomorfnykh izobrazheniyakh na derevyakh v Surgut'skom Priobii' (Information on anthropomorphic images on trees in the Surgut Ob region), *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo*, Izdatelstvo Tomskogo universiteta publ, Tomsk–Khanty-Mansiysk, no. 9, pp. 339–354. (In Russ.)
16. Ingold, T 2000, *The perception of the environment: essays on livelihood, dwelling & skill*. Routledge, New York.
17. Jordan, P 2001, 'Cultural Landscapes in Colonial Siberia: Khanty Settlements of the Sacred, the Living and the Dead', *Landscapes*, no. 2, pp. 83–105.
18. Jordan, P 2001, 'Ideology, Material Culture and Khanty Ritual Landscapes in Western Siberia', in KJ Fewster & M Zvelebil (eds), *Ethnoarchaeology and Hunter-gatherers: Pictures at an Exhibition*. BAR International Series 955. Hadrian Books Ltd., Oxford, Pp. 25–42.

19. Leete, A 2017, 'Landscape and Gods Among the Khanty', *Journal of Ethnology and Folkloristics*, no. 11, pp. 19–38.
20. Schmidt, É 1989, 'Bear cult and mythology of the northern Ob-Ugrians', in Mihály Hoppál & Juha Pentikäinen (eds), *Uralic Mythology and Folklore*, pp. 35–112.
21. Wiget, A & Balalaeva, O 2011, *Khanty, People of the Taiga: Surviving the 20th Century*, University Press of Colorado.

Статья поступила в редакцию: 15.01.2025
Одобрена после рецензирования: 15.02.2025
Принята к публикации: 10.03.2025

The article was submitted: 15.01.2025
Approved after reviewing: 15.02.2025
Accepted for publication: 10.03.2025